

О НЕ ПОМНИТ своих годов. Ему исподобилось не то пить, не то четыреста с хвостиком — это как считать. Но друзья любят его не за возраст. За открытый характер.

Знакомство с ним состоялось у всякого по-своему. Сердитая библиотекарша, вдруг раздబившаяся, говорила злым сорвиголовам: «Можете сегодня сами выбрать себе книжки. Они стояли по ту сторону барьеров и, затерявшись среди шкафов и полок, гладили рукой корешки со всеми новыми, с золотым тиснением переплетов и старые книги — только распахнув с обретенными утлами, с зачинающими до дна, до полной стертости буквы страницами. Стоило только взять одну из таких книг и пристроить где-нибудь к окружавшему первоначально существовать словно глубокие волны смыхались над головой... Уже взрослым они все испытывали эти мгновения с благогардностью.

А сейчас в библиотеку пришло другое поколение читателей, которое барьеров и так называемой кадровой системы обслуживания не застало, и знает, как не застали, скажем, эпоху автомобильных сигнализаторов детсадовцев — они и нынешние грузинки в песочнице передвигают балансир.

Сколько же лет не-таки открытым доступом в книжные полки? Некоторые относят его начало чуть ли не к средним времям, когда тяжеловесные физиономии на цепях обязательно требовали «учения на месте», и просто невозможно было переносить ими эти мгновения. Открытый доступ в те времена был понятие не роскошью, а сурьей необходимости.

ЭТИ туалеты друмыни, алюминиевые, кисти-тистами, и швейники — уличники Всевозможной ярмарки, члены. Чем же покорили они инсунговых специалистов?

У нас после революции много работал в этой области Б. Бажанов, изобретатель открытого доступа, организатор нескольких подобных библиотек в Твери.

И, наконец, 1929—1933 годы, породившие не только массу таких библиотек, но и шумные дискуссии вокруг открытого доступа, и даже специальный термин для сторонников его — «открыточники».

Эксперимент просуществовал недолго. Тому было много причин, и самое грустное, что генеральные библиотеки и библиотекари иногда сталкивались с этими причинами словно и не минуло тридцати лет. Конечно, никто не сбрасывает со счетов светлых перемен: ни скажено выросшим за эти годы тиражам, ни повышением читательских запросов, ни говоря уж о подъеме культуры и образования вообще. Но остались реальная — мы у себя дома. Обратимся к последней практике.

В первых, поговорим о тех, кого несмотря на широкайшее, развитое открытое доступа и на его видимые преимущества, новая система не обрадовала.

— Пройдите к полкам, пожалуйста, — приглашает библиотекарь каждого.

А соглашается не каждый. — Я уж на побуду к полкам. Женщина, — поздоровавшись, говорит библиотекарь, как добрый знакомый, пенсионер. — Полагаю на ваш вкус, — добавляет он галантно.

— Посмотрите сами, выберите, — предлагает Женя следующий читательский, но, заутраивает.

— Вы обезьяны мою занять, я не спорю...

В тридцатые годы тоже писали о людях, которые неподобающими открытым доступом: «Малодоговоренному читателю порой трудно...» — говорили библиотекари, устроившие в окружении первоначально существовавшей системы.

Может быть, они не заслуживали пропуска. Вкус и кругозор — дело национальное, но речет слух заметно звучит в обеих письмах потока самодовольства, уверенности в законченности, что из своего интеллектуального облика.

И вот тут — не надо, правда, падать в крайность и видеть единственно в открытом доступе начало конца духовной перestroiki — отданной новой системе должна она со страшной силой быть именно по смыслу самодовольству, по самомнению, по этой иномыслии беззабытости и миной законченности.

Одно то, что человек оказывается среди тысячи книг, потихоньку вселил в него неутешную мысль, что он, кажется, не все постиг, не «до всего дошел». Это — первое, самое привычное, но, по-моему, здоровое пассивное.

— Однажды я услышала, как типично жаловались библиотекарши: «Немолодой и солидный человек».

— Да, — вздыхал он. — Пожалуй и тут у вас... Как это все выходят? В институте еда на учебники времени хватало, сейчас из работы поменьше, — это литература, приложешь на длань с книжкой —

бывает самого разного качества). Он не умеет выбрать и не хочет выбирать, а при всем том искренне убежден, что любят книгу.

Они пишут в редакции такие письма:

«С детства меня счищали заудиленным читателем. Художественная литература всегда была рядом со мной. И в последние времена, в нелегкой службе мне помогали во всем книги. Они, будто бы «Сатиры почти не видела Вас Ардаматского или «Черный обелиск» Ремарка, одинаково (так и написано: одинаково)

предаются... Ляжки. Фирсы из моего дела в наша годы зодят Егоров, Курики... Планы члены какими... Системы... А я?»

Одна из грекийских геров зывает «Запустив в себя как личность», и бессословно это признание (почему бы его искомкал) означает, по-моему, и отрывку от сиюшного интересного чтения — не такого, чтобы хватать на лету воинки, чтобы «быть в курсе» и «зебетать о «новелле сезона» — именно от серъезного, интересного, творческого, если хотите.

— Знаете, первым рабочим при любой реформе старается сде-

лать

финансов

благо?

Или та-

кать

и сберегать

и хранить

и держать в боевой готовности

весь

и открыть

C В КРУГУ ЧИТАТЕЛЕЙ

Мы живем в коммунальной квартире, живем дружно, по вечерам часто собираемся у телевизора. Говорим о фильмах, о музыкальном сопровождении передач («Куда ставить документальную муз.»), мы пришли к выводу, что многие из них излишне перегружены музикальной составляющей.

Нам кажется, что в телепостановках интересен прежде всего сюжет, диалоги, то есть само драматургическое содержание. При чем тут музыка? Зачем она? Может быть, это всего лишь дань устаревшей традиции? Но в артистике телепостановок отталкивания от оркестрового сопровождения. Аналогичные тенденции можно наблюдать и в современном кино, особенно документальным...

Г. ЧЕРНОВА.

Проблема использования музыки в драматическом искусстве далека от конца. И до сих пор анализ она жаркие дебаты. Попробуйте рассмотреть некоторые вопросы, касающиеся музыки в телепостановках.

ЧЕЛОВЕК «ИЗНУТРИ»

ДЛЯ НАЧАЛА обратимся к кинематографу, как родственному с телевидением искусству.

В содружестве искусства, среди которых создаются фильмы, каждое из них вносит в него то, в чём оно сильнее остальных. Музыка, не способная к аризму, «предметнее» отражение мира, помогает «увидеть» человека «изнутри» — его мысли, чувства, настроения. И делает она это с такой эмоциональной силой, которая присуща только ей одной.

Вспомним эпизод из фильма «Депутат Балтийский». От профессора Полежаева, умом и сердцем приверженного Октябрьской революции, отвернулся его бывший коллеги и друзья. Старый, седой человек, только что выигравший предавшего его Воробьева, в день своего рождения остался один. Старик молчит долго и грустно. Но мы слышим внутренний монолог: вспомнившие музыкальные драмы дают почувствовать всю меру его душевной боли, от которой захватывает сердце.

Соединение музыки со зрительным образом, с искусством актера, с сюжетом содержит огромную энергию воздействия. Ей обращаются не только в «бестехнических» эпизодах. В фильме «Летят журавли», когда Марк во время бомбежки предстает Веронику, есть, казалось бы, все, чтобы действие было напряженным: девушка просто протестует, грохочут вороты, сыплются осколки стекла. Однако этого оказывается недостаточно (при таком стиле фильма). Принято на помощь музыка, чтобы передать душевную бурю Вероники, чтобы довести острую столкновение до предела.

Музыка помогает передать такую «неословляемую» вещь, как миросознание персонажей. Стойт услышать песенку из фильма «Я шагаю по Москве», как тотчас хочется ульбнуться. Вильям на темпо-ритме действия. Невеселенная «дочь» вещественных звуков, она дополнила, усиливала, раскрывала изнутри значение происходящего. Иначе говоря, музыка помогала выплыть идею телепостановки, ее драматургии.

«ОДНОЙ ЛЮБВИ МУЗЫКА УСТУПАЕТ...»

НАШИ БЕСЕДЫ

видение открывает перед музыкой новые перспективы.

СЛАБОСТЬ СТАНОВИТСЯ СИЛОЙ

XУДОЖЕСТВЕННОЕ телевидение мало пользуется настройкой. В павильоне трудно развернуть массовые пространственные сцены. Да и сам голубой экран изобретательно гораздо беднее своего кинобюро. Глубина картины размыта. Он не терпит фантазий деталей, которые его засторают. Телекамера гораздо более ограничена в выборе ракурсов, композиций, в использовании света.

Чем все это восполнит?

Усилием роли звука. Поэтому на телевидении возрастает прежде всего значение слова. Но также — звуков и музыки (это, конечно, не отменяет культуры пластической выразительности).

Героини телепостановки «Встреча с чудом» Ярослава, увлеченные романтикой дальних дорог, отправляются в экспедицию с геодезистами. Ни пришла в таинственную костищу девушки встречают утром. Ярослава мечтает о больших планах, о дорогах, в которых звучит ее жизнь. На лице девушек играют солнечные пятна. Звучит музыка — широкая, красочная, пронизанная светом. И мы мысленно видим величественную картину утренней тайги, освещенной восходящим солнцем.

Посмотрим, так ли это?

Предположим, что идет репортаж с настоящего пожара. Мы видим ожесточенную, опасную для жизни борьбу людей с огнем. Если бы кто-нибудь вдумался «поддержать» такой репортаж традиционной музыкой, она прозвучала бы фальшиво, явно неестественно, даже бесстыдно.

Подлинная жизнь непринужденно становится с очевидной условностью «примы». Но музыка, включенная в подобную сцену в телевиденье, удивление не вызывает (хотя, разумеется, не обязательна). Она помогает создать нужную психологическую атмосферу.

Но для более широкого обобщения понадобилась музыка. Она не только выражает нашу безмерную почту и нашу непрекращающую любовь.

В использовании музыки телевизионная постановка во многом близка кинематографу. Вместе с тем по сравнению с кино телевидение вносит определенную поправку. Голубой экран особенно не терпит перенасыщенной музыкальной фактуры, требует большей компактности, лаконичности музыкального выражения, филигранности приемов. Но это не мешает музыке выполнять цепкий ряд действенных, драматургических функций. Атмосферу тонкого лиризма она помогала создать в телепостановке «Лыжное ожерелье». А песенка четырех подружек из телепостановки «Ранним утром» несёт «зерно» общего, что было в их характерах.

Телепостановка «При свете дня» давала пример того, как музыка раскрывает насыщенный глубокими чувствами внутренний монолог героя. Нередко она обнимает подтекст, второй план действий, как это было в спектакле «А разве кто-нибудь стрелял?». У зрителя Никодом спрашивает: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».

Далее в документальных эпизодах одной подлинности, непосредственности недостаточно.

Можно вспомнить репортажи, где все, от первого до последнего кадра — самая что ни на есть подлинная жизнь, а передача все-таки получалась растянутой, однобранной, скучной. Ей недоставало творческого отбора объектов, участников, характерных деталей, точек показа.

Телевизионный спектакль целиком является результатом творческого осмысливания действительности, выраженной языком художественных образов, организованной по законам искусства.

В этом случае объективная реальность предстает перед нами не в формах самой жизни, а в формах искусства. Когда диктор объясняет: «Смотрите премьеру

и видите, как я выразил эту любовь».